

М. В. Рабжаева, В. Е. Семенов

**Современная церковная лексика:
проблема нормативного произношения и ее социальные последствия**

Работа о современной церковной лексике выполнена с позиций социологии языка. Авторы рассматривают основные тренды изменений, менявших функционирование церковной лексики в нашем обществе. Проблема функционирования церковной лексики рассматривается как проблема выработки нормативного образца произношения, ввиду утраты к концу XX в. производимой традиции. Авторы указывают на сосуществование в современном российском обществе двух конкурирующих вариантов произношения: светского и клирикального. В статье рассматриваются социальные последствия нарастания вариативности нормативного произношения церковной лексики и указываются возможные варианты развития данной ситуации.

Ключевые слова: тренды изменения современной церковной лексики, актуализация лексических ресурсов, спонтанная форма речи, светский и клирикальный варианты произношения, социолект, региолект, стигматизация

Marina V. Rabzhaeva, Vadim E. Semenov

**Modern church lexicon:
problem of a standard pronunciation and its social consequences**

The branch accessory of work is the sociology of language. Authors consider the basic trends of changes of church lexicon in our society. The problem of functioning of church lexicon is considered as a problem of production of the standard sample of a pronunciation. Authors indicate coexistence of two competing variants of a pronunciation in modern Russian society: secular and clerical. In the article possible variants of development of the given situation are considered.

Keywords: changing trends in the modern Church vocabulary, lexical resources, updating, spontaneous form of speech, secular and clerical pronunciation variants, sociolect, regiolect

Своеобразие существования современной церковной лексики (ЦЛ) определяется историей существования церкви и православия в нашей стране. Можно указать на три основных тренда изменений, менявших ЦЛ. Эти изменения касаются как места ЦЛ в общезыковом массиве, так и всех уровней массива самой ЦЛ: фонетического, словообразовательного, орфографического и даже графического уровней.

Первый тренд: изменения ЦЛ, обусловленные гонениями на церковь в XX в. Речь идет о том, что в течение XX в. место ЦЛ в современном русском языке менялось несколько раз, причем менялось кардинально. На рубеже XIX–XX в., ЦЛ была частью повседневной речи русского человека, ибо «в прошлом вся жизнь человека, от рождения до смерти, была наполнена содержанием, отражающим мир православия и религиозно-церковной жизни. Простейшие богословские понятия, евангельские сюжеты, знания об устройстве православного храма, особенностях богослужения, названия икон, наименования церковной иерархии – эти и другие близкие им понятия пронизывали языковое сознание человека...»¹.

Затем вместе с эпохой гонений на церковь произошел процесс удаления ЦЛ из общезыково-

вого лексического ресурса на периферию языка, периферию языкового сознания и периферию культуры. Удаление целого пласта ЦЛ – это результат внешнего искусственного воздействия. За годы советской власти массив ЦЛ был не только отодвинут на языковую периферию, но иногда практически вытеснен из языкового сознания. В то же время, часть ЦЛ, как отмечает Е. В. Какорина, подверглась своего рода секуляризации, т. е. эта лексика подверглась разного рода семантическим трансформациям, когда весь объем значений сузился к одному смысловому варианту². Указанная семантическая трансформация привела к тому, что часть ЦЛ перешла в разряд клишированных беллетризов. Таким образом появились в языке: храм науки, алтарь победы, апостолы мировой революции и т. д. Исследователь И. П. Прядко приводит такие примеры использования ЦЛ в ее искаженном, клишированном и переносном значении: «ТАССовское благословение останкинского митинга, покровительственное отношение к погромщикам в ЦДЛ... сделали очевидной ту сложную, двойную игру, которую власти ведут с разными видами национал-экстремизма» (Гражданское достоинство. 1990. 16 февр.); «Нет-нет да услышишь ныне о том, что „партия должна покаяться“» (Правда.

1990. 28 мая); «Можно говорить о втором пришествии правых в политику» (Итоги: телепередача // НТВ. 1999. 19 дек.); «Политическая исповедь по телефону» (Гудок. 1999. 11 нояб.); «Именно поэтому можно считать ТВ не разновидностью наркомании, а некоей квазирелигией. Как во всякой религии здесь есть не только своя паства, но и свои жрецы. И если телепаства большей частью даже не осознает, зачем и почему принимает к „ящику“ <...>, то тележрецы и телепроповедники понимают свои функции, напротив, очень хорошо. Именно они восприняли и преподнесли пожар на Останкинской телебашне как некую вселенскую катастрофу, едва ли не сходную по значимости с разрушением ветхозаветного храма Соломона» (Завтра. 2000. № 36. С. 3)³.

С начала 90-х гг. XX в., вслед за изменениями реалий жизни Церкви в нашей стране, когда церковь стала выходить с периферии общественной жизни, начался процесс включения ЦЛ в общезыковую массив. Филологи называют это явление **актуализация лексических ресурсов**, т. е. процесс перехода лексических групп из периферии языка или из его пассивного фонда в активный лексический фонд. Таким образом, мы можем указать на тот факт, что ЦЛ в общезыковом массиве в течение XX столетия несколько раз меняла свое местонахождение:

– к началу XX в. и до эпохи церковных гонений ЦЛ являлась частью общезыкового массива русского языка;

– с 1920-х гг. и вплоть до начала 1990-х гг. ЦЛ находилась на периферии языка;

– с начала 1990-х гг. и до сего дня ЦЛ входит в повседневную языковую практику (с разной интенсивностью для разных социальных групп).

Говоря о современном этапе бытования ЦЛ в русском языке, мы должны осознавать, что актуализация ЦЛ, а отличие от актуализации любых архаизмов и историзмов состоит в том, что архаизмы уходили из языка гнездами, по мере изменения социальной реальности и исключения из обихода соответствующих понятий/явлений/предметов. Церковная же лексика и уходила из языка, и включалась в общезыковой массив не гнездами, а пластами.

Второй тренд: изменения места ЦЛ в русском языке связаны с общими процессами секуляризации культуры. Когда мы говорим об этом тренде изменений ЦЛ, мы говорим о месте ЦЛ в русском литературном языке в рамках процессов секуляризации культуры, а не о месте церковно-славянского языка в светской культуре (при всем том, что параллели возможны и уместны). В социологии под секуляризацией культуры понимают, в самом общем виде, процесс автономизации общественных, государ-

ственных и культурных структур и институтов от власти церкви как социального института.

В рамках процесса секуляризации религиозная система мышления теряет свою значимость, а это означает, что автономизирующиеся области культуры вынуждены вырабатывать новый, светский язык культуры, отличный от прежнего, синкретического языка. Процесс секуляризации привел к разделению единой синкретической русской культуры на светскую культуру, которая укоренилась в центре культурного поля, и на религиозную культуру, которая все больше уходила на периферию. Таким образом, и ЦЛ вместе со всей религиозной культурой очень постепенно сдвигалась на периферию поля национальной культуры.

Третий тренд: изменения места ЦЛ в русском языке связаны с общезыковыми изменениями. Сетования на языковые изменения конца XX столетия стали уже общим местом в риторике не только филологов, но и в речи каждого образованного человека. И действительно, практически невозможно не заметить языковые изменения; их динамика такова, что никого не оставляет равнодушным. Эти явления, выделенные и разведенные лингвистами, для социолога означают следующее: на рубеже XX–XXI в., произошли некие языковые изменения, имеющие мало отношения к собственно его языковой сущности.

Начиная с 90-х гг. XX в. произошли громадные изменения в практиках функционирования речевого поведения. Образовалось огромное поле функционирования так называемой спонтанной формы речи. Тут стоит пояснить, что долгое время лингвисты считали, что языковая система существует в двух «вариантах-измерениях»: письменная форма речи и устная форма речи. Причем под устной формой речи понимали в основном своего рода «застывшие», предельно заученные формы речи: театральная речь, речь дикторов, речь лекторов и т. д. К началу 60-х гг. XX в. лингвисты фиксируют существование особой формы устной речи, для которой вводится специальный термин: **спонтанная форма речи**. Возникновение спонтанной формы речи обусловлено социальными причинами: изменением характера общения, столь явно проявившимся к 60-м гг. XX в. Указанные изменения характера общения проявились:

– в увеличении темпа речи, т. е. за единицу времени передается больше информации;

– в изменении бытования устной формы речи – появляются новые, ранее не существовавшие ниши бытования устной речи, в которых активизируются самого рода разные типы как публичного (митинги, поэтические вечера, дис-

пути, спичи, тосты и т. д.), так и личного общения (телефонное общение, исповедь, интервью, беседа с психоаналитиком и т. д.).

Произошедшие социальные изменения демократизации публичной жизни в 1990-е гг. привели к демократизации языка и, как уже указывалось, к образованию огромного поля функционирования спонтанной формы речи. Как отмечают исследователи, «демократизация общества неимоверно расширила круг публично выступающих – в парламенте, прессе, на митингах и в других сферах массового общения. Свобода слова, понятая буквально и по отношению к манере выражаться, сломала все социально-этические запреты и каноны»⁴. Демократизация жизни способствовала демократизации языка, что проявилось не только в расширении круга публично говорящих, что само по себе значимо, но и в том, что появились целые, ранее не существовавшие области функционирования публичной спонтанной речи: парламент, огромное количества FM-радиостанций, что обусловило востребованность дикторов, так называемых «говорящих» ведущих. Таким образом, мы отмечаем, что к рубежу XX–XXI в. изменилось само речевое поведение: изменился характер общения, появились ранее не существовавшие типы общения и места общения, в целом язык СМИ стал более естественным, уйдя от застывшего официального стиля. Все эти указанные языковые и социальные изменения в полной мере касаются и ЦЛ как части общелексического языкового фонда.

Проблема функционирования церковной лексики как проблема выработки нормативного образца произношения. ЦЛ существовала в течение практически всего XX в. на периферии социального пространства и на периферии языка. Живых носителей произносительной нормы ЦЛ было, с одной стороны, мало, а с другой – и это принципиально (!) – эти носители произносительной нормы ЦЛ отсутствовали в публичной жизни. Жизнь Русской православной церкви (РПЦ) в течение практически всего XX в. проходила в подполье. ЦЛ использовалась только священнослужителями, незначительным кругом воцерковленных и очень узким кругом научных исследователей: историков, филологов, искусствоведов. ЦЛ, как и жизнь РПЦ, была terra incognita даже для искусствоведов-реставраторов.

В публичном пространстве отсутствовали священнослужители, в публичном пространстве отсутствовала религиозная тематика, а значит, в публичном пространстве ЦЛ не использовалась. При этом надо оговорить, что ЦЛ использовалась в научном дискурсе искусствоведов и филологов, потому что их предметное поле

пусть и в редуцированных объемах, но все же предполагало актуализацию этой лексики.

Это приводило к тому, что для подавляющего большинства носителей русского языка ЦЛ в XX в. существовала исключительно в ее книжном, письменном варианте, поэтому **к концу XX в. в массе своей произносительная традиция ЦЛ была утрачена.**

Когда мы говорим о произносительной норме, мы имеем в виду, прежде всего норму ударения. Проблема ударений значительно обострилась в связи с возрастающей ролью публичной речи. Ведь с начала 1990-х гг. образовалось огромное поле функционирования спонтанной публичной формы речи. В публичном пространстве мы слышим политиков, радио- и тележурналистов. Демократизация общества неимоверно расширила круг публично выступающих – в парламенте, прессе, на митингах и в других сферах массового общения. Недостаточное владение нормами языка, со своей стороны, породило массу постоянно умножающихся ошибочных ударений.

Тут стоит отметить, что языковая норма есть результат практики речевого общения. Речевая норма отрабатывается, складывается в практике, закрепляется в употреблении как узус. Затем происходит фиксация нормы, базирующейся на узусе, т. е., происходит процесс «узаконивания» нормы в словарях, сводах правил, в учебниках. Необходимо отметить, что речевая произносительная норма исторически подвижна, и в то же время речевая норма устойчива и традиционна. Исследователи отмечают, что норма предельно осторожно открывает свои границы для инноваций: «Нормой признается то, что было и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет»⁵.

Становление нормативного произношения происходит в результате выбора одного варианта из нескольких. Исследователи отмечают, что вариативность произносительных вариантов является залогом постоянного развития языка. При этом, смена произносительной нормы другой нормой всегда проходит через этап, когда сосуществуют новая и старая нормы. Пример: пионер – пион[э]р, беж – б[э]ж, кофе – коф[э], крем – кр[э]м. Кстати, эти примеры социально обусловленных норм могут фиксировать периоды:

1) активного существования пион[э]р, б[э]ж, коф[э], кр[э]м;

2) сосуществования [е]/[э];

3) переход к общелитературному произношению: пионер, беж, кофе, крем. Произношения: пион[э]р и б[э]ж характерны в целом для речи старшего поколения, коф[э] и кр[э]м – ленинградская норма речи (постепенно уходит).

В XX в. можно было наблюдать сосуществование всех трех указанных вариантов произношения. Произносительные нормы, как и любые языковые нормы, являются результатом выбора одного из многих произносительных вариантов. (Например, современная форма прилагательного *английский*, еще в XVII–XVIII вв. была многовариантной: *англинский*, *англиский*, *англицкий*, *аглицкий* и др. – но постепенно, к середине XIX в. победил существующий произносительный вариант.)

Для нашего разговора важен тот факт, что произносительные варианты формируются под влиянием разговорной публичной речи. А мы уже говорили, что к началу XX в. исследователи отмечают лавинообразное, шквальное возрастание вариантных форм и моделей.

Итак, ЦЛ вплоть до конца 90-х гг. XX в. никак не присутствовала в разговорной публичной речи. Связано это, конечно, с тем, что церковь в публичной жизни нашего общества вплоть до 90-х гг. отсутствовала (или присутствовала очень дозированно). По мере того, как церковь становилась «видимой», по мере того как церковь обрела голос, стала актуализироваться в публичном пространстве и ЦЛ. С конца 1990-х гг., после того, как церковь прорвала информационную блокаду, в новостных репортажах появляются сюжеты о строительстве и освящении храмов, о возрождении приходов, интервью с Патриархом и рядовыми священнослужителями. В этих новостных сюжетах появляется церковная лексика: «В храме служатся панихиды, проводятся крещения и венчания. Но для проведения богослужений в полном объеме необходимо восстановить иконостас, провести свет и отопление, восстановить роспись и внутреннее убранство храма... Ко всем, кому близки и понятны исторические и духовные ценности России, настоятель храма священник Петр Григорьев и его прихожане обращаются с просьбой оказать сильную материальную и молитвенную помощь в возрождении храма» (Народная газета. 1999. 25 дек.)⁶. Актуализация церковной лексики привела и к актуализации библеизмов в языке СМИ: «Но кровавые гонения на католиков, санкционированные из логова Мамоны, не взволновали „непогрешимого“ папу» (Наш современник. 1993. № 6. С. 96); «Ничтоже сумняшся Зюганов называет ударом по обороноспособности России» (Радио России. 04. 05. 2000); «Президент Латвии ничтоже сумняшся заявила...» (Там же); «Очки давно уже перестали быть притчей во языцех как атрибут исключительно интеллигента» (Домовой. 1993. № 3. С. 46)⁷.

В 1990-е гг. появляются первые статьи, в которых авторы сетуют на массовую без-

грамотность дикторов, ведущих, редакторов: «Из эфира практически исчезла высокая лексика, а возвращение религиозно-церковной лексики сопровождается множеством ошибок (знамЕние, благословЛение, икОнопись, вероисповедАние, и т. д.)»⁸. Указанные ошибки, как раз свидетельствуют о том, что публично-говорящим персонам: дикторам, радио- и телеведущим, журналистам, политологам и др. – ЦЛ не знакома, во всяком случае, не знакома в ее **произносительном**, а не книжном варианте. Публично говорящим светским людям, если они не воцерковлены, не легко освоить произносительную норму ЦЛ, так как они никогда не слышали, как надо это произносить. Тут стоит подчеркнуть, что **нормативный образец произносительной нормы есть результат не только рефлексии (чаще неосознанной), но и консенсуса, т. е. это результат осознанного выбора более престижного произносительного варианта**. (Например, пока внятна престижность произношения, до тех пор этот вариант существует. К примеру: б[э]ж, коф[э], кр[э]м. К концу XX в. эта произносительная оппозиция (б[э]ж, коф[э], кр[э]м – б[е]ж, коф[е], кр[е]м) уже не актуальна, не престижна и соответственно не воспроизводится.)

Однако процесс «вброса» ЦЛ в нашу повседневность не сопровождался публичной дискуссией. ЦЛ существует в рамках «узусного» бытования норм, ориентированных на ту или иную эпоху. С 1990-х гг., т. е. с тех пор как церковь появилась в публичном пространстве России, появились и сосуществуют два узуса, два произносительных варианта:

- светский (появился первым, ибо изначально существовали только светские СМИ),
- церковный (в публичном пространстве появился позже).

Тут следует уточнить, что так называемый светский произносительный вариант является **результатом языковой пробы, т. е. своего рода апробирования звучания незнакомой или смутно знакомой ЦЛ в публичном пространстве**. Можно говорить о смутном знакомстве с ЦЛ, ибо ЦЛ все же присутствовала на периферии языка в книжном варианте.

Ситуация публичного выступления ставит перед любым говорящим проблему произношения. Даже хорошо знакомая лексика подчас неправильно употребляется носителями языка при изменении по падежам, числам и т. д. Если же лексика незнакомая или, вернее, знакомая только в ее пассивном, книжном варианте, то встает вопрос произношения. Для неопита в церкви, а таковых большинство, все равно как употреблять то или иное слово. Человек упо-

требляет новое, незнакомое слово так, как его научили, а учат его или носители церковной традиции произношения ЦЛ, или же человек воспроизводит светский произносительный вариант, транслируемый всеми светскими СМИ.

Ситуация воспроизводства светской произносительной традиции ЦЛ чревата воспроизведением ошибок, возникающих вследствие религиозной некомпетентности, вследствие незнания ЦЛ. Таких примеров много, и исправляются они просто, путем обращения к словарям.

Словарная норма	Неправильное употребление
ЗнАмение	ЗнамЕние
Иконопись	икОнопись
вероисповЕдание	вероисповедАние
благословение	благословЛение
апОкриф	апокриф
мироточИть	мирОточить
мирянин	мирянИн

Вместе с тем есть немногочисленные случаи, когда в языке параллельно существуют два варианта произношения: **светский** и **клерикальный**. Причем, светский вариант, как правило, зафиксирован словарями, а церковный вариант, вплоть до последнего десятилетия, когда появились словари церковной лексики, существовал только в устной традиции. Во многих случаях, даже до сегодняшнего дня, эти слова не включены в словари.

Современные исследователи языка православных верующих указывают на существование религиозного православного **социолекта**, под которым понимают «устойчивую, социально маркированную подсистему национального языка, обслуживающего речевые потребности ограниченной социальной группы верующих людей, отражающая теоцентрическую картину мира и характеризующуюся лексическими, фонетическими, словообразовательными и грамматическими особенностями»⁹.

К примеру, существует **сугубо устная традиция произношения имен священнослужителей на церковнославянский манер**. В каком словаре можно посмотреть, что надо говорить АлексИй, КлИмент, и т. д? Ведь все светские СМИ говорили: «Патриарх Московский и Всея Руси АлЕксий II», хотя надо АлексИй (по произносительной норме церковнославянского языка). Это одна из самых ярких антиномий светского и клерикального дискурсов. Тут чрезвычайно интересен следующий пример: 25 января 2009 г., на радио «Эхо Москвы» в передаче «Говорим по-русски» ве-

дущие обсуждали события недели, и, конечно же, кандидатуры на московский Патриарший престол. Перечислили: митрополит Смоленский Калининградский Кирилл, митрополит Боровский и Калужский КлимЕнт, и митрополит Минский и Слуцкий Филарет. Тут – звонок в студию, и слушатель поправил ведущих, сообщив, что надо говорить: митрополит Боровский и Калужский КлИмент. В ответ на это ведущая передачи разразилась тирадой о том, что если митрополита КлимЕнта выберут патриархом, то только тогда мы будем называть его КлИментом.

Как понимать этот пассаж? Как: а) признание существования церковной, клерикальной традиции; б) как попытку отстоять привычную светскую произносительную норму.

КлимЕнт – произносительная светская норма, зафиксированная во всех словарях.

КлИмент – произносительная церковнославянская норма. Заметим, что для человека светского, никак не связанного с церковной традицией, существование этой церковной традиции – полная неожиданность, тем более что с ней необходимо считаться.

Следующий пример антиномии светского и клерикального дискурсов, это произношение: ПатриАрхия (норма светских словарей) и патриархИя (норма церковной среды). Пример произношения патриархИя – это пример адаптации ударения. Дело в том, что само слово патриархия появилось только в XX в. До этого (применительно к периоду с 1589 г. и до 1721 г.) использовалось понятие Московский патриархат. Институт патриаршества был восстановлен в 1917/18 гг., однако по понятным политическим причинам Московский патриархат не выступал субъектом международного права. Когда в 1943 г. Сталин решил создать церковную структуру РПЦ, которая бы могла выступать как субъект международного права, то и появилась конструкция – Московская патриАрхия, сконструированная по произносительным нормам середины XX в. К концу XX в. слово изменилось в его произносительной практике, и в церковном дискурсе произносят – патриархИя. В светском же дискурсе это слово практически не использовалось, а в церковной среде, естественно, использовалось. Произносительная норма в церковной среде трансформировалась по законам изменений русского языка: из ПатриАрхии – в ПатриархИю.

И. В. Бугаева в монографии «Язык православных верующих в конце XX – начале XXI в.» приводит следующие примеры нарушения акцентологической нормы¹⁰:

Литературная (светская) норма	Церковная устная произносительная традиция
избавИтель	избАвитель
помАзать	помазАть
припадАя (припадАть)	припАдая (припАдать)
трапЕза	трапЕза

Приведенные примеры нарушения современного нормативного литературного ударения связаны с тем, что в этих словах, относящихся к ЦЛ, сохранилось церковнославянское ударение. Как указывает И. В. Бугаева, «церковнославянское ударение встречается в русской речи в терминологической лексике, в устойчивых словосочетаниях и фразеологических оборотах и часто оказывается стилистическим маркером»¹¹.

Представляется, что приведенные примеры свидетельствуют с одной стороны, о социальной маркировке дискурсивных практик употребления ЦЛ, когда не знакомый с ЦЛ человек, т. е. не воцерковленный, мгновенно проявляет себя, свою непринадлежность к социальной группе верующих. С другой стороны, приведенные примеры свидетельствуют и о демократизации норм языка, происходит нарастание произносительных вариантов в современном русском языке. Причем демократизацию произносительных норм носители языка не видят, не фиксируют и не рефлексируют, ибо носители находятся внутри языковой стихии.

Социальные последствия нарастания вариативности нормативного произношения ЦЛ. Отсутствие публичной дискуссии и рефлексии демократизации норм языка приводит к практикам социального маркирования, разделения на своих и чужих, т. е. к разделению на тех, кто внутри социальной группы, активно использующей церковную лексику, и тех – кто вне ее. Это сильно сказывается на вновь воцерковляемых: попытка освоить пласт ЦЛ без курса катехизации, т. е. (в данном случае) без прослушивания и проговаривания – обречена, потому что выдаст чужака. Светская произносительная традиция выдает социального чужака, того, кто не усвоил церковную произносительную норму.

Получается, что носители традиции неосознанно не заинтересованы в рефлексии трансформации произносительных норм, ибо существующая языковая ситуация – четко маркирует чужаков и естественным образом стигматизирует их. Неслучайно игумен Петр Мещеринов, говоря о проблемах возвещения церкви, с горечью отмечает, что «нарушение

принятой на сегодня церковной субкультурой лексики воспринимается как прямое покушение на устои Православия»¹². Поэтому, конечно, мы говорим о «незинтересованности» в кавычках, ибо на сегодняшний день у РПЦ огромное количество требующих решения вопросов, и до проблем нормативного произношения пока «руки не дошли». Однако ситуация стала понемногу меняться с развитием церковной теле- и радиожурналистики и с развитием исторических, культурологических, социологических научных исследований, посвященных церковной проблематике. Иначе говоря, ситуация стала меняться тогда, когда появились рефлексующие носители-произносители ЦЛ в публичном пространстве.

Таким образом, мы с вами являемся свидетелями интересного этапа существования ЦЛ, когда сосуществуют два дискурса со своими произносительными нормами:

а) **светский произносительный вариант**, ориентированный на книжную норму, зафиксированную словарями;

б) **церковный произносительный вариант**.

Стоит отметить, что эта ситуация сосуществования двух дискурсов со своими произносительными нормами является временной, неустойчивой, преходящей. Можно предположить, что ситуация может развиваться по двум сценариям-вариантам.

Вариант первый: все большее обособление православного религиолекта, с развитием особого языка религиозной культуры. Ведь за последние почти два десятилетия произносительная церковная норма вышла за рамки языка профессиональной группы, трансформировавшись в религиозной православный социолект. Православный религиолект характеризуется развитием множества стилей, проявляющихся и в официальной, и в неофициальной коммуникациях. Исследователи фиксируют наличие развитого научно-богословского стиля, официально-делового, разговорного, литературного и пр.¹³

Вариант второй: интеграция православного региолекта в общеязыковой массив современного русского языка. Этот процесс будет происходить по мере возобновления, развития и расширения диалога между церковью и государством, церковью и обществом, по мере увеличения зон использования ЦЛ в общекультурном пространстве. И эта тенденция будет развиваться, продолжаться вследствие увеличения веса церкви в обществе.

Что же касается прогноза относительно возобладания той или иной произносительной традиции, то в первом варианте произой-

дет функциональное разделение на светский и клерикальный дискурс. Во втором варианте возобладает, в большинстве случаев, церковная произносительная традиция. Но мы помним, что произносительная норма – это всегда результат рефлексии и консенсуса, поэтому спрогнозировать с точностью, как будет произноситься то или иное слово через 50 лет, сложно, да, наверное, и не нужно. Гораздо интереснее быть включенным наблюдателем...

Примечания

¹ Складневская Г. Н. Давайте говорить правильно!: лексика православ. церков. культуры. СПб., 2005. С. 4.

² Какорина Е. В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости: на материале языка газ. // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 68.

³ Прядко И. П. Церковная лексика в практике современных СМИ // Грамота. ру: справ.-информ. портал. URL: <http://www.gramota.ru> (дата обращения: 26. 09. 2012).

⁴ Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2001. С. 4.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Прядко И. П. Указ. соч.

⁷ Там же.

⁸ Валгина Н. С. Указ. соч. С. 4.

⁹ Бугаева И. В. Язык православных верующих в конце XX – начале XXI в.: моногр. М.: Изд-во РГАУ МСХА им. К. А. Тимирязева, 2008. С. 33.

¹⁰ Там же. С. 82.

¹¹ Там же. С. 86.

¹² Петр (Мещеринов), игум. Церковь и общество. М.: Жизнь с Богом, 2009. С. 173.

¹³ Бугаева И. В. Указ. соч. С. 85.